

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19, 21, 24, 27, 30... 77, 80, 83, 87, 90, 93, 96, 99

Стыдно за писменника

«Спустя годы, уже в перестроечное время, я увидел роман «Дорога на Океан» (сызнова и сызнова А. С. Т. пишет «Океан» с прописной буквы, так и не осознав в романе главного. – Н. В.), только что переизданный. У меня затеплилась надежда: наверняка изъят злополучную главку Леонид Максимович». Я уже отметил: такой главки нет. Есть глава: «Аркадий Гермогенович и его начинка», в которой имеется небольшой отрывок о Волошине, где поэт дается в отдельных свойствах через героя и, отчасти, автора, отнюдь не для унижения коктейбельского великодушного хозяина, чистосердечного властителя дум и патриарха Киммерии.

Странно, стыдно становится за писменника, хоть ты и знал об его омерзениях, обвиняющего прозаика Леонида Леонова в том, чего за ним не было и не могло быть:

«О, распри писательские, о зависть к чему угодно – к таланту, угодливости, неподкупности!.. Мог же Леонов не любить Волошину за то, что тому удалось выстоять, а ему все-таки пришлось служить «диктатуре пролетариата»? Распри между Волошиным и Леоновым не случались, не завидовал ему Леонов: собственного таланта, даже гения, собственной удачливости, неподкупности ему хватало с переизбытком. И не надо было Леонову высказывать: он жил в согласии со своим убеждением классика, приверженного рабочему классу, социалистическим идеалам, коммунистическим фантазерам самопожертвенного толка, подобным Курилову, главному герою «Дороги на Океан». А Волошин жил согласно своей гипотезе: спасителя и замирителя людей разных общественных слоев, верований, мироощущений...»

Неприязненное, во зло, якобы отношение Леонова к Волошину, основывалось на классовом: слишком они разные по происхождению. Волошин из интеллигентов, широко образован, подолгу жила за границей, Леонов – сын писателя-самоучки из крестьян.

«Классовая» – не та шкала, по которой необходимо оценивать Леонова и, понятно, Волошину. В образах, созданных Леоновым, бесконечен срез всего народоустройства России – СССР, где наличествует многообразие типов: от крестьян до ангелов. И принадлежность героя-героини к тому или иному классу, к той или иной прослойке имели для Леонова социально-историческое значение, не являясь для него всеопределяющими.

Коктебель Волошина

«В своем эссе «Коктебель Максимилиана Волошина» я говорю, что только два читателя неслестно отозвались о Волошине – Бунин и Леонов. Нарисованный эпизодически в «Дороге на Океан» Волошин отнюдь не подпадает под определение «нелестно написанного». Гораздо

многообразнее Волошин изображен Иваном Буниным. Я уже ссылался на воспоминания Бунина «Волошин», напечатанные в книге Максимилиана Волошина «Стихотворения, статьи, воспоминания современников», составленной Э. Д. Давыдовым и В. П. Купченко. Не со всем, что принимал Бунин в Волошине и в какой-то мере в его творчестве, можно согласиться. Бунин относит его к наиболее видным поэтам предреволюционной и революционной России, он сочетал в своих стихах многие весьма типичные черты большинства этих поэтов: их эстетизм, снобизм, символизм начала нынешнего века, их политическую «смену вех» (в зависимости от того, что было выгоднее в ту или иную пору); был у него и другой грех: слишком литературное воспевание самых страшных, самых зверских злодеяний русской революции». Волошина, по моему мнению, нельзя причислять к большинству: он всегда был отделен, исповедовал идею находиться над схваткой и относил людей к ангелам-серафимам, а потому они достойны сострадания и замирения. Из общения Бунина с Волошиным в Одессе видно, что они подружились: он часто ночевал у Ивана Алексеевича на квартире. Бунин провожал Волошину на дубок морского комиссара и командующего Черноморским флотом Немитца. «Провожать его – пишет Бунин, – было все-таки грустно. Да и все было грустно: сидели мы в полутьме, при самодельном ночнике, – электричество не позволяли зажигать, – угощали отъезжающих чем-то очень жалким (с Максимилианом отплывала некто Татида. – Н. В.). Одет он был уже по-дорожному – матроска, берет. В карманах держал немало разных спасательных бумажек на все случаи: на случай большевистского обыска при выходе из одесского порта. До большевиков у него были в Одессе знакомства и во французских командных кругах, и в добровольческих. Все же все мы, в том числе и он сам, были в этот вечер далеко не спокойны: бог знает, как-то сойдет это плавание на дубке до Крыма. Прощаясь, взволновались, обнялись».

Последняя вест

Из Евпатории Волошин прислал Буниным открытку, где с отрадой вспоминал застолье перед отплытием: «Очень приятно вспоминать вечер, у вас проведенный, который так хорошо закончил весь нехороший одесский период». А в ноябре прислал письмо из Коктебеля: «Большое спасибо за ваше письмо: как раз эти дни все почему-то возвращался мысленно к вам, и оно пришло как бы ответом на мои мысли. Мне бы очень хотелось, И. А., чтобы вы прочли все мои новые стихи...»

А между тем Волошин жил совсем иначе. Он писал о себе: «Я еще до сих пор переполнен впечатлениями этой зимы, весны и лета: мне действительно удалось пересмотреть всю Россию во всех ее партиях, и с верхов, и до низов. Монархисты, церковники, эсеры, большевики, добровольцы, разбойники... Со всеми мне удалось провести несколько интимных часов в их собственной обстановке...»

«Это письмо было для меня последней вестью о нем», – писал Бунин.

Александр Чаковский был главным редактором «Литературной газеты» при четырех генсеках

Воспоминания Бунина отразили всю полноту бурной, многосложной, насыщенной мощной творческим, мыслительным, деятельным движением жизни необычайного поэта, замирителя, подвижника Максимилиана Волошина.

И, чтобы закруглить разговор об отрывке про Волошину в «Дороге на Океан», скажу, что есть кощунственность Ткаченко и в том, что художественное изображение Леоновым Волошина он отождествляет с личностным. В давние времена против подобного подхода протестовал Лермонтов, когда его отождествляли с его героем Печорным.

«Был, конечно же, список авторов для примерного бития, в котором, насколько мне помнится, не числился ни один член СП – еврей или кто-либо из союзных республик». Если подобный список наличествовал, что допуская, то не стабильно обновлялся и, что и говорить, оберегался вроде ценностей спецхрана, и удостоиться зоркого знакомства Ткаченко не мог.

Меня порой занимал вопрос, какой национальности писателей чаще всего критикует «Литературка». И тут я согласен с А. С. Т.: «ведь только русские во все времена безжалостно секут друг друга и позволяют сечь себя всем, у кого есть на то охота». И здесь же у меня имеется суще-

ственное возражение относительно критики в адрес писателей-евреев, членов СП. Мне памятна критика, направленная против писателей еврейского происхождения, причем писателей крупных: Ильи Эренбурга, Василия Гроссмана, Вениамина Каверина... Помешали ли их в списки, – мифичность в этом не исключается, – не ведаю, но били не без применения шпицрутен.

Параметры духовности

«Почему именно Чаковскому дозволялась такая смелость? Очень просто: он был вхож к самому Брежневу (вхож-то вхож к Ильичу-2, да

главным редактором «Литературной газеты» был при четырех генсеках: Хрущеве, Брежнев, Андропове, Черненко). Просто-той в данной судьбе не пахнет: писучий прозаик с политиче-

ским уклоном и энциклопедическими знаниями коренных исторических событий в СССР. Печатался лавино в миллионтиражной «Роман-газете», не являясь крупным прозаиком и не мороча своей совестью тем, что занимает в огромном объеме литературные площади, где могли бы воздвигнуться небоскрежного рода романы подлинных прозаиков. Как земснарядом, своим главноредакторским портфелем он качал золотые

пески гонимых. Когда изначальный Миша-меченый решил узнать о советских богачах, в информации, полученной им, среди ведущих миллионеров числился Александр Борисович Чаковский. Ценилась верхами, ясным-ясно, инициативность Чаковского: он создал журнал «Иностранная литература». Виды его занятий поистине отличались разнообразием партийно-государственного масштаба. Знакомый советский корреспондент в Англии замечал, что, прилетая в Лондон, Чаковский тотчас направлялся не к нашему послу, а к цадеку британской столицы.

Как-то мне, еще магнитогорцу, довелось участвовать в ленинградском совещании, посвященном индустриальному положению нашей страны. Даниил Гранин (Герман), тогдашний руководитель Ленинградского отделения Союза писателей, встречая каждого из приехавших, говорил, что на совещание приглашены директора заводов, генеральные конструкторы громадных предприятий, ученые мирового класса, и что выступать надо без оглядки: микрофонной записи не будет. Это рекомендация Центрального Комитета КПСС. Меж писателей, составлявших малое количество, почти незримо присутствовал Александр Чаковский. На закате разгонного дня (запись все-таки решили вести), разгоряченные неожиданными выступлениями (директор Кировского завода мечтал о безработных, стоящих за воротами), Павел Филиппович Нилин и я поднялись в ресторан. Близ входа одиночеством стоял за ужином Чаковский. Нилин остановился неподалеку от него и, глядя в мою сторону своими скорбной усталости волоками глазами и вскинув филярски указательный палец правой руки, несколько бубняще, надувая пышные губы, произнес:

– Коля, Александр Борисович – сенатор. Мы попробуем присоединиться к нему, ежели поблагодиспустит. Сенатор – борец за побудительные параметры духовности, сенатор – не наш брат, ошарашка.

– Полноте ерничать, Павел Филиппович.

– Коля, садитесь, сенатор не возражает.

Озоровать, подшучивать, придуриваться – эти проявления я относил к природе Нилина, хотя кое-кто из писателей находил, будто бы он маскирует свой надрывный серьез, оснащаемый ссылками на историков. Я сохранил мнение Павла Филипповича, всматриваясь в неизменно отстраненный от внешнего влияния облик Чаковского. Голова в легком полуклоне над тарелкой, где мерцали пластики розовой рыбы, в спокойной ровности приспущенные веки, взор из-под них – отвыкший от уязвимости. Основательность неказистого туловища, щегольски запечатанного в черный пиджак, в чем точно была недопустима устрашимость. Нилин рыхловат и телесно расслаблен, сидя на креслоподобном стуле; Чаковский ладно картинен попой и недвижен, за исключением кистей рук, в которых вилка и нож возносятся ломтик рыбы к уверенному рту. Нилин сложен природно, быть может, не без малохольности; Чаковский самосоздан, потому скульптурен и далек в статике господствующего индивида от суетности ☹

Продолжение следует.

> Воспоминания Бунина отразили всю полноту бурной творческой жизни необычайного поэта Максимилиана Волошина